

Е.Л. Тихомирова

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ДЕРЕВЯННОЙ СКУЛЬПТУРЫ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ ИЗ ПЯТНИЦКОЙ ЦЕРКВИ РЫБНОЙ СЛОБОДЫ г. ГАЛИЧА

В истории русской церковной деревянной пластики есть ряд особо значимых памятников, давших начало повсеместному почитанию и изготовлению «в резьбе» святых, в них запечатленных. Эти скульптуры, появившиеся на Руси зачастую при загадочных обстоятельствах¹, на протяжении столетий являлись чтимыми чудотворными образами. В первую очередь речь идет о деревянной скульптуре святителя Николая Мирликийского Чудотворца, бытовавшего в Никольском храме г. Можайска и получившего наименование «Никола Можайский». Этот памятник, по-разному датируемый исследователями (от XIII до начала XV в.²), положил основу иконографическому типу «Никола Можайский», развитому, что интересно, не только в резьбе, но и в русской станковой живописи.

Появление на Руси первой деревянной Руси великомученицы Параскевы Иконийской (Геконийской), чаще называемой мученицей Параскевой Пятницей – до конца нерешенный исследователями вопрос. Другой проблемой, вызывающей полемику среди ученых, является выбор и интерпретация в резьбе из пространного сонма христианских святых жен именно святой Параскевы³.

Согласно житию, великомученица Параскева Иконийская (Геконийская, память 28 октября/10 ноября) родилась в III в. в богатой и благочестивой семье. Ее родители были ревностными христианами и назвали дочь, родившуюся в пятницу, в честь этого Великого дня страданий Господних («параскева» в пер. с греч. «пятница; приуроченная к субботе»). За свои христианские убеждения Параскева была мучима по приказу императора Диоклетиана и притерпела множество истязаний: битье железными гвоздями, толстыми веревками, срывание кожи, заключение в темницу и т.д. Господь чудесным образом исцелил все ее раны, однако даже после этого мучители продолжали пытки и отсекали ей голову мечом⁴.

Изображения святой великомученицы в станковой и монументальной живописи известны в искусстве византийского мира. На Русь ее образ приходит с вполне устойчивой иконографией, практически не менявшейся на протяжении

столетий. Иконописный подлинник в месяц октябрь, день 28 предписывает: «...и святых великомученицы Парасковии нареченных Пятницы, риза киноварь, испод лазорь, на главе плат бел, а в руке свиток, а в нем писано: *Господи Иисусе Христе, Боже Мой, всяк, иже призываяй тя мною рабою Твоею, избави его от всякия беды и отпусти ему грехи его*»⁵. Однако, гораздо чаще в тексте свитка св. Параскевы содержится фрагмент Символа Веры: «*Верую во Единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым...*».

Сохранившиеся ранние русские иконные образы втч. Параскевы относятся к концу XIV – началу XV в. и связаны, прежде всего, с древним Новгородом и Псковом⁶. Это, в частности, икона «*Избранные святые Параскева, Варвара и Ульяна*» кон. XIV – нач. XV вв. псковских писем (в собрании Государственной Третьяковской галереи (далее ГТГ)); икона «*Богоматерь Знамение с избранными святыми Варлаамом Хутынским, Иоанном Милостивым, Параскевой Пятницей и Анастасией*» начала XV в. новгородских писем (в собрании Государственного Русского музея); икона «*Избранные святые Параскева Пятница, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Василий Великий*» первой четверти XV в. новгородских писем (в собрании ГТГ); икона «*Святые Параскева Пятница и Анастасия*» второй половины XV в. новгородских писем (в собрании Государственного Русского музея) и т.д. Разумеется, в этом ряду нельзя не указать известнейший памятник – костромскую икону «*Богоматерь Феодоровская*» второй половины XIII в., на обороте которой изображена святая, единогласно называемой в церковной традиции Параскевой.

Однако, в наиболее ранних русских иконах, как видно из приведенных примеров, все же нельзя говорить о господстве в сонме святых жен великомученицы Параскевы. Святые мученицы Анастасия, Варвара, Ульяна занимают в станковой живописи столь же почетное место.

В русской деревянной и каменной пластике, прежде всего, в составе складней и в основании крестов, также встречаются образы христианских

мучеников и мучениц, важное место среди которых занимает св. Параскева. Наиболее известны в этом ряду небольшие резные барельефные иконы древнего Новгорода, такие как «*Чудо Георгия о змие, с Деисусом и избранными святыми*» конца XV–XVI вв. (изображение святой пятое слева в нижнем ряду), «*Избранные святые*» того же времени (святая вырезана третьей слева в верхнем ряду; обе иконы находятся в собрании музеев Московского Кремля (далее ММК)). Однако и в этом случае мы не видим доминирования образа святой великомученицы.

Наша статья не случайно начинается с краткого экскурса в генезис «резной» иконографии св. Николая. В 1540 г. некими старцами – «*переходцами с иной земли*», как говорит нам летопись, в древний Псков была принесена пара резных деревянных фигур: святых Николая Мирликийского и Параскевы Пятницы. Так, в летописи читаем: «*принесли в Псков образ святого Николая да святой Пятницы, резаные в храмиках, и были псковичи в недоумении, так как в Пскове таких резных икон не бывало, и многие невежды считали их за идолов...*»⁷. По указу владыки Макария эти статуи были установлены в храмах Николая на Гребле, Николая в Песках и Пятницы в Бродах⁸ в «*тоучение гражданам*». Старцев – переходцев, и, соответственно скульптуры святых чаще всего исследователи связывают с Беларусией и Литвой, историк А.В. Рындина считает, что псковская иконография св. Николая «имеет чисто барийский адрес»⁹.

Рассматривая эпизод с псковскими скульптурами, нельзя не отметить факт явной чужеродности большемерной круглой пластики псковскому населению. Учитывая, что к 1540 г. – году появления фигур, Псковское княжество было одним из наиболее развитых и прогрессивных в Древней Руси, с богатейшими иконописными и архитектурными традициями, приходится констатировать факт действительной редкости подобных памятников на Руси в целом. Из «псковского» рассказа следует и то, что традицию изготовления круглой единоличной скульптуры нельзя связывать с псковскими землями.

Однако вспомним, что в Можайске к 1540 г. уже более столетия почиталась деревянная статуя святителя Николая, стоящая в центральном храме города. Следовательно, традиция почитания этого образа святителя псковичам была неизвестна. Подчеркнем, что «псковский Никола»

в «резном храмике», т.е. в киоте, был представлен в *можайской* иконографии, с мечом в правой руке и крепостью в левой, что указывает на общий прототип памятников.

Приведенные рассуждения о псковской скульптуре св. Николая необходимы нам для того, чтобы подчеркнуть мысль о том, что принесенная в Псков «парная» к Николе статуя великомученицы Параскевы является первой, *зафиксированной в письменном источнике*, подобной фигурой великомученицы, но, вероятно, *не первой, появившейся на Руси*, как ошибочно полагают некоторые исследователи. Где же искать начало большемерной «резной иконографии» святой и ее первый образ в *горельефе* или *круглой скульптуре*?

На сегодняшний день ученые, в большинстве своем, сходятся во мнении, что наиболее ранней *большемерной резной фигурой* великомученицы Параскевы является скульптура из Пятницкой церкви Рыбной слободы г. Галича Костромской губернии. Ныне этот памятник, вывезенный из Галича в 1953 г.¹⁰, находится на временном хранении в Государственном Русском музее (г. Санкт-Петербург) и значительно обогащает отдел древнерусского искусства как самый ранний пример русской деревянной скульптуры с образом святой Параскевы Иконийской. Святая представлена в рост, фронтально, с разведенными в стороны руками. Она облачена в темно-зеленую тунику и красный плащ. На голове святой надет белый плат и мученический венец в виде неширокой полосы (сейчас – охристый, ранее, возможно, был красного цвета). В правой руке мученицы восьмиконечный крест, в левой – поднятый свиток с традиционным текстом из Символа Веры: «*Верую во Единого Бога (под титлой) Оца (под титлой) Вседержителя Творца неба и землю видимым же всем и невидимым (длинная м под тилой) и во Единого Господа нашего Иисуса Христа (под тилой)*». Размер фигуры 170х95 см, памятник выполнен в технике резьбы по дереву с темперной окраской, инв. 1264 Галичский филиал КГОИАМЗ). Фигура святой помещена в деревянный киот, внутренняя стенка которого сохранила надпись имени святой, а над ее головой вырезан круглый нимб. Ранее над головой великомученицы помещались резные фигурки ангелов, несущих венец. Безусловно, скульптура и киот не избежали поновлений, однако резьба памятника является авторской, без поздних вставок и реконструкций¹¹.

В устойчивом церковном предании эта скульптура считалась даром князя Димитрия Шемяки жителям г. Галича¹². Следовательно, этот вклад мог быть сделан не позднее 1453 г. – года смерти Шемяки. Однако, эта версия никогда не рассматривалась исследователями всерьез. Несмотря на то, что атрибуция галичской Параскевы прошла ряд этапов (Н.В. Покровский в 1910 г. – XVI в.¹³; Н.Н. Померанцев в 1950-е гг. – XVI в.¹⁴; С.И. Масленицын в 1960-е гг. – XV в.¹⁵; Г.К. Вагнер в 1980-е гг. – XV в.¹⁶), современные искусствоведы С.С. Каткова и Н.И. Комашко, обобщив опыт предшественников, датируют памятник не ранее начала XVI в.¹⁷

Первый исследователь данного памятника Н.Н. Померанцев указывал, что: «В связи с этой легендой (о вкладе Шемяки. – *Е.Т.*) в искусствоведческой литературе последнего времени возникла традиция датировать галичскую скульптуру началом XV века и сравнивать ее с образами женских святых на иконах Андрея Рублева¹⁸. . . По характеру исполнения черт лица галичская Параскева имеет немало общего с ермолинской скульптурой Георгия 1464 г. (о ней далее. – *Е.Т.*), а манера начертания надписей на фоновой доске и мотив изображения архангелов, несущих над головой святой корону, указывают на традиции, распространенные в русском искусстве уже XVI века. Вспоминая сообщение Новгородской летописи под 1540 годом о признании скульптуры Параскевы в Новгороде, правомернее считать галичскую Параскеву произведением не XV, а XVI столетия. . .»¹⁹.

Сохранилась дореволюционная фотография этого образа, привлекая в начале XX в. внимание А.А. Бобринского и воспроизведенная им в книге «Народные русские деревянные изделия»²⁰. Скульптура была полностью закрытой шитой ризой, а фон киота обложен фольгой. В несколько ином виде, а именно, с длинным расширенным рушником, перекинутым через шею великомученицы, эта статуя запечатлена на дореволюционном снимке С.А. Орлова.

Однако так ли легендарно выглядит история о вкладе скульптуры в Галич князем Димитрием Шемякой в середине XV в. или шире – создание памятника в эпоху XV столетия? Ответить на этот вопрос в наше время вряд ли возможно, т.к. не сохранилось главного – вкладной записи на скульптуре, которая могла бы расставить точки над *i*. Но возможно попытаться разобраться в историко-культурном контексте, в который отсылает нас

церковное предание, а именно – в Галич этого времени.

Перед нами Галич или «Галич Мерьской», как называется он в Лаврентьевской летописи, находящийся в 124 км к северо-востоку от Костромы. Галич, бывший исконно одним из самых богатых и развитых на Костромской земле, уже в XIII в. являлся крупным торгово-ремесленным центром и столицей удельного княжества²¹. В XIII–XV вв. городу принадлежали обширные земли в бассейнах Галичского и Чухломского озер, по левобережью Волги и т.д. Галич в это время – один из центров обороны русских земель. Через него шли торговые пути между Северо-Восточной Русью, Севером и Вяткой, так что город быстро богател, а потому не раз подвергался татарским набегам²².

С.С. Каткова и Н.И. Комашко в своей статье о галичской скульптуре св. Параскевы указывают, ссылаясь на археолога А.Г. Авдеева, что «повидимому, в Галич культ Параскевы был принесен новгородцами, поселения которых на его территории известны, по археологическим данным с рубежа XI–XII веков, еще до основания города Юрием Долгоруким»²³.

В истории России Галич более всего связан с феодальной войной первой половины XV в. После смерти московского князя Василия Дмитриевича галичский князь Юрий Дмитриевич не признал московскую систему престолонаследия от отца к сыну, и пошел войной на Москву. После смерти Юрия Дмитриевича войну продолжали его сыновья – Дмитрий Шемяка и Василий Косой. Война эта продолжалась почти четверть века, но в итоге победа осталась за московским князем. Шемяка бежал в Новгород Великий, где и умер в 1453 г. В этой истории нам особо важен тот факт, что в 1446 г., в походе против Василия Темного, Дмитрий Шемяка заручается поддержкой *можайского* князя Ивана Андреевича. В результате этого похода Шемяка пусть и ненадолго, но захватывает великокняжеский стол, а Иоанну Можайскому достается в удел город Суздаль²⁴. Нельзя ли предположить, что где-то в 1440-х, возможно, и в удачном для Дмитрия 1446 г., создается по обету князя резная скульптура Параскевы-воительницы (*подробнее об этом см. далее*), как реплика на чудотворную резную фигуру св. Николая из Никольского храма *г. Можайска*, особенно почитаемого как защитника от неприятелей?

При всей гипотетичности этой версии все же нельзя отрицать: 1) знакомства Димитрия Шемя-

ки с резной можайской скульптурой, у которой, вполне возможно, служили молебны перед походом на Москву; 2) существования в Галиче XV в. деревянной церкви св. Параскевы Пятницы; 3) традиции почитания определенных икон как помощников при военных походах или обороне от неприятеля. Если расширить границы создания скульптуры в пределах конца XV – первых годов XVI в., связывая резной образ святой все же с родственниками Шемяки, надо указать на существование и почитание в Москве двух больших резных скульптур великомученика Георгия Победоносца (из соборов Кремля и мастера В.Д. Ермолина, *о них см. далее*) – святого воина, ставшего одним из символов первопрестольного града. Следуя этой логике выходит, что в пределах XIV–XV вв., на Руси, в развитых центрах Можайске, Галиче и Москве появляются четыре больших резных фигуры: св. Николай Мирликийский, вмч. Параскева и две фигуры вмч. Георгия. Каждый из этих святых не приобрел статус небесного патрона города после изготовления резного образа, а был исконно почитаем в среде горожан, и именно в эту эпоху при различных обстоятельствах его образ *большого размера* был воплощен в дереве или камне.

Возможно, проследить версию создания галичской скульптуры во время захватнических походов Шемяки или, шире, в среде его потомков и сродников в конце XV – первых годах XVI в.²⁵, нам показалось бы делом неблагодарным, если бы не одна уникальная деталь.

Эта загадочная галичская скульптура выделяется из ряда прочих памятников одной выдающейся особенностью – святая великомученица облачена не только в традиционные тунику и плащ, под плащом виден «чешуйчатый пояс» – воинская кольчуга, не находящая на сегодняшний день аналогов в живописи и резьбе Древней Руси.

С.С. Каткова и Н. И. Комашко, отмечая данную деталь, пишут: «Отличительная особенность изображения одежд Параскевы на галичском образе – выполненная в резьбе душегрея, выглядывающая из-под складок мафория на уровне пояса. Эта деталь характерна для местного праздничного женского костюма, сохранявшегося до начала XX века, что позволяет связывать создание скульптуры с Галичем»²⁶. На наш взгляд, это объяснение неверно. Особенность древнерусского религиозного сознания, в частности XV – нач. XVI – этапа «золотого века» русского церковно-

го искусства, давшего огромное количество блестящих образцов *глубоко символических* иконных произведений, в одном ряду с которыми и рассматриваемая нами фигура св. Параскевы из Галича, состоит в антитезе земного и небесного. Никакого буквального перенесения *земных человеческих* предметов на *атрибуты святых* быть не могло. В фундаментальной монографии Е.Я. Осташенко, посвященной творчеству Андрея Рублева, прекрасно сформулирована мысль, которую можно применить и относительно рассматриваемого галичского памятника: «Сохранившиеся памятники (XV в. – *Е.Т.*) показывают, что многие русские мастера были способны адекватно передавать достаточно сложные идеи времени, хотя, как правило, не ставили перед собой цель достичь бесконечной смысловой подвижности и изящества философских построений лучших константинопольских художников...»²⁷.

Подобный орнамент в виде рыбьей чешуи или «кольчужки» встречается в украшении византийских и ранних русских иконных окладов, выполненных в технике басмы. Возможно ли, что данная деталь была позаимствована резчиком с какого-то прославленного прототипа святой мученицы, не дошедшего до нашего времени? Несомненно, что кольчуга Параскевы указывает и на связь с иконографией святых воинов, непременным атрибутом которых являются *латы* – броня. В этой связи нужно упомянуть два хрестоматийных памятника русской церковной пластики конца XIV – нач. XV в.: горельеф «*Святой Георгий*» (высота 170 см, ширина 70 см, ширина рельефа 22 см, из соборов Московского Кремля (?), ныне в собрании ММК) и горельеф «*Святой Георгий*» 1464 г. резчика В.Д. Ермолина (сохранилась полуфигура, высота ок. 110 см, ширина 60 см, ширина рельефа 30 см, в собрании ГТГ), помещавшейся над Спасскими воротами Московского Кремля. И на той и на другой статуе святые представлены в воинском облачении.

По мнению исследователя русской пластики И.М. Соколовой, «кремлевский» Георгий находит аналоги в деревянном горельефе конца XIII в. «*Святой Георгий*» из греческой церкви в Галлисто близ Кастории²⁸ и стеатитовой иконе «*Святой Георгий*» XIV столетия из кабинета медалей Национальной библиотеки в Париже. Как на Георгии из Галлисто, так и на Георгии из Кабинета медалей присутствует тот же чешуйчатый пояс, что и на фигуре вмч. Параскевы из Галича. Не ис-

ключено, что резчик, либо заказчик галичской статуи был знаком с московскими резными фигурами святых воинов.

Согласно христианскому учению, каждый христианин есть воин Христов, состоящий в духовной брани с врагом рода человеческого – дьяволом. Истинными воинами, победившими сатану, являются святые. В словах акафиста св. Параскевы выражена мысль о добродетелях и неустрашимости юной Девы. Так, в 3 кондаке читаем: «Мужеским смыслом вооружившись, слабость женскую отвергла еси, упованием же укрепилась...», в 10 кондаке: «Егда бо на тя и мечное на смерть осуждение изыде от беззаконнаго мучителя, ты под меч острый, аки под венец красный, радостно потекла еси...», в 10 иконе: «Стена была еси крепка и непоколебима во исповедании веры в Троицу Бога... радуйся, силою свыше на брань противу сил преисподних препоясанная; радуйся, победоносною славою в вышних от Христа победителя одетая. Радуйся, оружием благоволения Божия венчанная на земли; радуйся, цветом неувядаемым украшенная на небеси. Радуйся, христианом крепкое прибежище; радуйся, верным твердое заступление»²⁹. Несмотря на то, что акафист святой складывается гораздо позднее, нежели создаются ее первые иконы и резные скульптуры, основная мысль прославления великомученицы как бесстрашной христианки остается неизменной.

К образу вмц. Параскевы близок образ другой прославленной христианской мученицы – Екатерины. Подробно не останавливаясь на иконографии и иконографии этой святой, отметим только одну икону, принципиально важную для нашего исследования. Речь идет о знаменитом греческом образе «Великомученица Екатерина, в житии» начала XIII в. из монастыря святой Екатерины на Синае³⁰. Здесь мученица изображена в рост, в царских одеждах, поднявшей левую руку перед грудью и держащей в правой руке крест. На правом же бедре вмц. Екатерины изображен заостренный книзу воинский щит с восьмиконечным крестом – атрибутом святых воинов. Нам неизвестно, насколько широкое распространение получила данная иконография Екатерины – воительницы, однако факт присутствия в ее образе щита, важный аргумент в пользу отстаивания тезиса об идее прославления подвига христианина как воина Христова на примере не только иконографии святых воинов, но и *святых мучениц*.

К тому же воинские атрибуты на иконах зачастую интерпретировались в сознании граждан как «зримые» детали защиты за христиан, напоминающая о деятельной помощи и заступничестве Угодников Божиих.

Таким образом, создатель галичского резного образа великомученицы Параскевы изготавливает его не только исходя из глубоких историко-агиографических знаний о святой, но и в результате знакомства с резными памятниками святителя Николая из Можайска, святого Георгия из Московского Кремля. Подспудно автор памятника и (или) заказчик скульптуры создают замечательный образ в духе лучших образцов иконописи и пластики византийского мира XIII–XIV вв.

В галичской скульптуре вмц. Параскевы мы видим довольно аскетичную и при этом очень выразительную резьбу: утонченная фигурка святой в тунике подобна свечке, разворот ног в сапожках очень изящен. Аналогичные развернутые, как будто делающие шаг ножки, мы встречаем в лучших иконах и скульптурах XII–XV вв. Киноварный плащ на галичской фигуре напоминает фелонь священника. Этот памятник нельзя назвать провинциальным, более вероятно, что он был создан под влиянием столичных образцов, а автор и заказчик произведения были весьма образованными и эрудированными людьми своего времени.

Примечания

¹ Так, например, знаменитая резная статуя св. Николая Можайского (ныне в собрании Государственной Третьяковской галереи, инв. 22956), вырезанная по подобию явленного образа св. Николая при осаде города Можайска неприятелем (подробнее об этом: *Сидоренко Г.В.* Никола Можайский / Древнерусское искусство X – начала XV века. Каталог собрания. Т. I. – М., 1995. – С. 196–198); скульптура св. Николая Промзинского, выполненная в каменном рельефе по подобию явленного в XVI в. в селе Промзино Симбирской губернии образа святителя в огненном столпе до неба и с мечом в руке и др.

² Подробно об этом см.: *Сидоренко Г.В.* Указ. соч. – С. 197.

³ Подробно об этом см.: *Бурганова М.А.* Русская сакральная пластика. – М., 2003. – С. 182–183; *Соколова И.М.* Русская деревянная скульптура XV–XVIII веков. Каталог собрания ММК. – М., 2003. – С. 230.

⁴ Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Переиздание. – М., 1990. Месяц октябрь, двадцать восьмое.

⁵ Подлинник иконописный. Издание С.Т. Большакова. Под редакцией А.И. Успенского. Новый список Строгановского иконописного подлинника. Переиздание. – М., 1998. – С. 43.

⁶ Каткова С.С., Комашко Н.И. Великомученица Параскева. Кат. 6. // Костромская икона. Свод русской иконописи. – М., 2004. – С. 465–466.

⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 5. – М., 1962. – С. 303–304.

⁸ Отметим, что церковь вмц. Параскевы в Бродах – одна из древнейших псковских храмов с этим посвящением и, естественно с храмовой иконой святой.

⁹ Рындина А.В. Юго-западные контакты Руси в XVI в. и деревянные киотные статуи святителя Николая Чудотворца // Искусство христианского мира. Вып. 8. – М., 2004. – С. 127, 130.

¹⁰ Подробно об этом см.: Померанцев Н.Н. Параскева Пятница // Русская деревянная скульптура. – М., 1994. – С. 22–23.

¹¹ Скульптура реставрирована А. Егоровым (ГЦХРМ) в 1964 г.

¹² ГАКО, ф. 179, оп. 3, д. 22 ФП. Отчет об археологической экскурсии в июне 1910 г. профессора Н.В. Покровского. Лл. 12, 13.

¹³ ГАКО, ф. 179, оп. 3, д. 22 ФП, лл. 12, 13. Машинопись «Отчет об археологической экскурсии Н.В. Покровского в июне 1910 г.».

¹⁴ Померанцев Н.Н. Указ. соч. – С. 22, 209, 210.

¹⁵ Масленицын С.И. Кострома. – Л., 1968. – С. 103–105.

¹⁶ Вагнер Г.К. От символа к реальности. Раз-

витие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. – М., 1980. – С. 228.

¹⁷ Каткова С.С., Комашко Н.И. Указ. соч. – С. 465–466.

¹⁸ Выставка русской деревянной скульптуры и декоративной резьбы. Кат. – М., 1964. – С. 16; Масленицын С.И. Кострома. – Л., 1968. – С. 103–105.

¹⁹ Померанцев Н.Н. Указ. соч. – С. 208–210.

²⁰ Бобринский А.А. Народные русские деревянные изделия. – М., 1911–1914. – Вып. 1–12.

²¹ Подробнее о древнем Галиче см.: Авдеев А.Г. Град Галич первой. О времени, месте и обстоятельствах основания города Галича // Костромская земля. Краеведческий альманах. Вып. 6. – Кострома, 2007. – С. 58–82.

²² Исторические города и села Костромской области. – Кострома, 2004. – С. 60–63.

²³ Каткова С.С., Комашко Н.И. Указ. соч. – С. 466.

²⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 2007. – С. 432–433.

²⁵ Прежде всего речь идет о сыне Шемяки Иване Дмитриевиче и внуке Шемяки Василии Ивановиче, получившим от королевича Литовского Казимира в 1490-х гг. во княжение Рыльск и Новгород Северский.

²⁶ Каткова С.С., Комашко Н.И. Указ. соч. – С. 465–466.

²⁷ Остащенко Е.Я. Андрей Рублев. Палеологовские традиции в Московской живописи конца XIV – первой трети XV в. – М., 2005. – С. 12.

²⁸ Оpubл. в: Соколова И.М. Указ. соч. – С. 22.

²⁹ Акафистник. – М., 2005. – С. 678, 686, 687.

³⁰ Опубликована в книге: Росси К. Сокровища монастыря святой Екатерины. – М., 2007. – С. 158.